

Брандт Леонтий Вениаминович

Опубликовано 14 июля 2006 года

19088 0

Эвакуация

Начало войны не уходит из памяти: бомбёжка, пожары, отчаяние людей. Жил я тогда у родственников, в белорусском городе Орша, который подвергся нападению в первые же часы войны. Вместе с родными отправился в эвакуацию, недели две добирались пешком до Смоленска. Тогда-то впервые в семнадцать лет понял, что значит смертельная усталость: шел, держась за подводу, и спал на ходу.

Фашисты стремительно наступали, железнодорожные станции были полны беженцев. Измученные люди страшились неизвестности. Не хватало продуктов.

Опасаясь бомбежки, ждали в лесу, пока подадут состав. Наконец, не без трудностей сели в «теплушку» и поехали на восток.

В пути пришлось не раз пересаживаться, дорога заняла два месяца.

Тыловой Томск

Так наши родственники оказались в тыловом Томске, а я дома. Мать была страшно рада, уж и не чаяла увидеть. Жили мы в переулке Батенькова, квартира была невеликая, но вся большая семья как-то устроилась. Другие родственники, жившие в Таганроге, уехать не успели или не смогли - все они погибли.

Стали работать. Меня взяли в мастерские, где делали лыжи для бойцов. Потом устроился на опытно-механический завод, который прибыл из Загорска и разместился в университетском корпусе. Несколько месяцев проработал на электромеханическом заводе, где делали минометы и мины.

Всё это время просился на фронт, но меня не брали - не вышел годами. Только я не отступал, ходил в военкомат. И, в конце концов, своего добился: попал в Сибирскую добровольческую дивизию, которая формировалась в Юрге.

Смерти в глаза

Брали в разведку не каждого. Попадали туда самые рослые, плечистые, крепкие, а я богатырским сложением, надо сказать, не отличался. Зато сноровки и выносливости было не занимать, с детских лет занимался спортом. Ну, и меня взяли в разведроту.

Ходили в тыл противника, добывали «языка», вели разведку боем. Как писали потом в газетах, «смотрели смерти в глаза». Иногда меня спрашивают: боязно было? По правде говоря, да - умирать никому не охота. Тем более, когда война катилась на убыль. Привыкнуть к опасности трудно. И всё ж воевали...

Хорошо запомнил первое свое боевое задание. Перед выходом оставили документы, проверили снаряжение. Чтоб ничего не звенело, полагалось попрыгать на месте. Получили последние инструкции и двинулись. Перешли линию фронта, углубились в лесок. Видим, впереди кто-то маячит, а кто - непонятно.

Потом выяснилось - партизаны, у них в лесах были целые поселения: жили в землянках, некоторые - семьями. И разведка у их была неплохая, партизаны дали сведения - с тем мы и вернулись.

Фронтные друзья

Без поддержки друзей на фронте, конечно, непросто, в разведке особенно. Там только и узнаёшь, что такое настоящая мужская дружба.

И мне доводилось выносить, возвращаясь с задания, раненых. И меня несли на себе, когда получил ранение: немцы делали мины, которые подсакивали и взрывались, едва заденешь за проволоку. Называли их «попрыгушки». Одна чуть не стоила мне жизни, всё лицо было в осколках.

Вынес меня Коля Лукьянов, здоровый сибиряк - родом из Новосибирска. Пару недель ничего я не видел, потом зрение вернулось. Подлечился - и в часть. А друг мой погиб... Причем в самом конце войны, в Чехословакии.

Наша разведрота двигалась впереди наступающих частей. Настроение у всех было приподнятое - фашисты капитулировали, вот-вот наступит мир! Шли по дороге, не особенно прячась. Вдруг - кинжальный огонь. Залегли, стали отстреливаться. Меня отправили за подмогой.

А когда выбили немцев, увидели, что вся группа погибла. Держались до последнего патрона...

"Аристократы"

Что говорить, разведчики были на особом, привилегированном положении. Нас даже называли «военной аристократией». И оружие было у нас самое лучшее, и снабжали по первому классу.

Никто против этого не возражал, к разведке в войсках относились почтительно: там всё-таки служили отчаянно смелые люди, хорошо разбирающиеся в военном деле. Многие неплохо знали немецкий язык, хотя был у нас свой переводчик. А командовал ротой капитан Солнцев - добродушный, заботливый офицер. Когда провожал ребят на задание, места себе не находил, так беспокоился.

Конечно, мы видели, что творили фашисты. Видели убитых мирных жителей, сгоревшие села и разрушенные города. После чего воевали еще яростнее. Но слепого ожесточения не было: наши солдаты оставались людьми и в той нечеловеческой обстановке. Случаи, когда убивали пленных, были редки, и за это сурово наказывали. Хотя несложно было понять тех, кем владело чувство мести. Получит солдат письмо, узнает о страшной судьбе своих близких - и от горя теряет голову...

Ад Освенцима

Есть вещи, забыть которые невозможно. Прошло столько лет, а перед глазами картина: наша разведгруппа входит в лагерь смерти Освенцим. Бараки, длинные ряды бараков. И заключенные в полосатом рванье, которые махали руками, что-то кричали нам на разных языках.

Измождённые, совсем обессиленные - они, видно, не смогли покинуть лагерь, как другие, когда охрана, услышав канонаду наших орудий, спешно бежала. И встречали нас, прикинув к колючей проволоке, смеялись и плакали. Это была жуткая картина! Но самое страшное ждало впереди: крематорий, который еще не успел остыть, горы женских волос - разного цвета и разной длины. Груды подошв, в том числе от детских ботинок.

Там всё было продумано, во всем наблюдался порядок. Вещи убитых хранили в пронумерованных бумажных мешках - наверное, готовили для отправки в Германию. А волосы и человеческую кожу использовали в «хозяйственных» целях. Особо ценилась кожа с наколками - из неё, мы узнали, готовили дамские сумочки. И рядом с этим кошмаром - ухоженные домики, где жили охранники, цветущие палисадники. Спортивные площадки, бассейн - все условия для полноценного отдыха после тяжелой «работы».

Таким был Освенцим. Потрясенные, мы ходили по лагерю, смотрели - и не верили глазам. А чуть позже подошли наступавшие части, которым разведка обеспечивала прикрытие...

"Падение Берлина"

После войны несколько лет я служил на территории Германии, в танковых войсках. И вот, помню, прошел слух, что нас пригласят для съёмок какого-то фильма. Мы, конечно, обрадовались: отдохнём от строевой подготовки, армейской службы, да еще и прославимся. Пусть и в массовке.

Среди артистов, которые приехали, был знакомый по многим фильмам Борис Андреев. Легендарный актёр! Каждый хотел с ним сфотографироваться, просил меня сделать снимок - в ту пору я осваивал трофейный фотоаппарат. Андреев

тоже, как выяснилось, любил поснимать. Мы разговорились, потом познакомились, стали общаться.

1949 год, Германия. Во время съёмок фильма "Падение Берлина".
Четвёртый слева - Л.В. Брандт, пятый слева - актёр Борис Андреев.

Фильм «Падение Берлина» снимал известный режиссер Михаил Чиаурели. Когда потребовалось снять Рейхстаг, который находился в зоне американских союзнических войск, вышла какая-то неурядица. И решили сделать макет - точную копию Рейхстага, на его фоне потом разворачивалось действие. Но в фильме режиссерская уловка была незаметна. Готовую картину, которая снималась полгода, мы увидели первыми.

Борис Андреев, расставаясь, приглашал встретиться в Москве. А свиделись в Томске:

он приехал в наш город вместе

с творческой группой через двадцать три года. Долго тогда вспоминали былое, ходили по улицам, вновь фотографировались на память. Но те снимки оказались последними. Через несколько лет его не стало...

Источник:

Материалы из книги "Мудрость Победы", готовящейся к изданию АМК

"Сибирский проект" (г. Томск)